

Джованни Казанова

История Жака Казановы де Сейнгальт. Том 6

История Жака Казановы

Джованни Казанова

**История Жака Казановы
де Сейнгальт. Том 6**

«Автор»

Казанова Д. Д.

История Жака Казановы де Сейнгальт. Том 6 / Д. Д. Казанова — «Автор», — (История Жака Казановы)

«Эта авантюристка была римлянка, довольно молодая, высокого роста, хорошо сложена, с черными глазами и кожей поразительной белизны, но той искусственной белизны, что свойственна в Риме почти всем галантным женщинам, и которая так не нравится лакомкам, любящим прекрасную природу. У нее были привлекательные манеры и умный вид; но это был лишь вид. Она говорила только по-итальянски, и лишь один английский офицер по фамилии Уолпол поддерживал с ней беседу. Хотя он ко мне ни разу не обращался, он внушал мне дружеские чувства, и это не было только в силу симпатии, поскольку, если бы я был слеп или глух, с сэром Уолполом мне было бы ни жарко ни холодно...»

© Казанова Д. Д.

© Автор

Содержание

Глава I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Джованни Казанова История Жака Казановы де Сейнгальт. Том 6

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава I

Портрет так называемой графини Пикколомини. Ссора, дуэль. Я снова вижусь с Эстер и ее отцом г-ном Д.О. Эстер увлечена кабалой. Фальшивый вексель Пикколомини; последствия. Я ограблен и подвергаюсь опасности быть убитым. Оргия с двумя падуанками, последствия. Я раскрываю большой секрет Эстер. Я раскрываю мошенничество Сен-Жермена; его бегство. Манон Баллетти мне неверна; письмо, которое она мне написала, чтобы объявить о своем замужестве; мое отчаяние. Эстер проводит день со мной. Мой портрет и мои письма к Манон попадают в руки Эстер. Я провожу день с этой очаровательной особой. Мы заводим разговор о браке.

Эта авантюристка была римлянка, довольно молодая, высокого роста, хорошо сложена, с черными глазами и кожей поразительной белизны, но той искусственной белизны, что свойственна в Риме почти всем галантным женщинам, и которая так не нравится лакомкам, любящим прекрасную природу.

У нее были привлекательные манеры и умный вид; но это был лишь вид. Она говорила только по-итальянски, и лишь один английский офицер по фамилии Уолпол поддерживал с ней беседу. Хотя он ко мне ни разу не обращался, он внушал мне дружеские чувства, и это не было только в силу симпатии, поскольку, если бы я был слеп или глух, с сэром Уолполом мне было бы ни жарко ни холодно.

М-м Пикколомини мне не нравилась, но после обеда я тем не менее поднялся в ее комнату вместе со всей компанией. Граф сел играть в вист, а Уолпол составил партию в *премьер* с графиней, которая мошенничала в игре. Он смеялся, не обращая на это внимания, и платил. Он покинул игру, потеряв около пятидесяти дукатов, и дама попросила отвести ее в комедию. Она оставила мужа, увлеченного партией в вист. Я также пошел в театр.

Я встретил в партере графа Тёт, брата того, которого пребывание в Константинополе сделало знаменитым. Он сказал, что выехал из Франции, чтобы драться с неким человеком, который посмеялся над тем, что не нашел его в битве при Миндене, поскольку тот якобы опоздал присоединиться к своему корпусу. Он доказал ему свою отвагу, нанеся удар шпагой. Он сказал мне, что у него нет денег, и я открыл для него свой кошелек; он открыл для меня свой, пять лет спустя, в Петербурге. Видя, что я болтаю с итальянской графиней, он сказал, что ее муж трус, на что я ему не ответил.

После комедии я вернулся в гостиницу. Сомелье сказал, что принц Пикколомини поспешно уехал со своим слугой и маленьким чемоданом. Мгновенье спустя пришла его жена, ее служанка сказала ей что-то на ухо, и она заявила, что муж поехал драться, и что это происходит часто. Она снова пригласила меня к ужину, вместе с Уолполом, и ела с большим аппетитом. Во время десерта англичанин, который играл в вист с Пикколомини, поднялся и рассказал Уолполу, что итальянский граф, уличенный в жульничестве, опроверг обвинение англичанина, своего партнера, который упрекнул его в этом, и они оба вышли. Час спустя англичанин вернулся в «Английский парламент», где он остановился, раненный в предплечье и в плечо. Дело было пустяковое. Я пошел спать.

На следующий день, пообедав у графа д'Аффри, я вернулся в гостиницу и получил письмо от графа Пикколомини, отправленное экспрессом, со вложенным в него другим, адресованным его жене. Он просил проводить ее к нему в Амстердам, в «Город Лион», где он остановился, передав ей также и письмо для нее. Он интересовался, как чувствует себя англичанин, которого он ранил. Поручение, которым он меня наградил, меня рассмешило, поскольку я не чувствовал в себе никакого желания его выполнять. Я направился передать письмо мадам, которая пребывала еще в кровати, играя в карты с Уолполом. Едва прочтя письмо, она сказала, что может ехать только завтра, и сказала, в котором часу. Я ответил, что мои дела лишают меня

честь ей послужить, и г-н Уолпол, которому объяснили, о чем речь, предложил меня заменить. Она согласилась, и они назначили свой отъезд на завтра, после обеда, чтобы переночевать в Лейдене. Так и было сделано, но вот что случилось со мной.

На другой день после этого отъезда, я сидел за столом со всеми остальными и с двумя французами, только что прибывшими. Поев супу, один из этих французов говорит, что *известный* Казанова должен быть в Голландии. Другой отвечает, что было бы неплохо встретить его, чтобы получить от него важное объяснение. Поскольку я был уверен, что никогда не имел дела с этим человеком, кровь бросилась мне в голову, но я овладел собой. Я кротко спросил, знаком ли он с Казановой.

– По правде говоря, я с ним знаком, – ответил он тоном превосходства, который и сам по себе неприятен.

– Вы с ним незнакомы, – говорю я сухо, – потому что Казанова это я.

Нимало не смутившись и даже тоном превосходства, он говорит, что я ошибаюсь, если думаю, что я единственный в мире человек с именем Казанова.

Этот ответ показал, что я неправ, и я должен был сдержаться; однако решил, в свое время и в своем месте, взяв его за жилетку, заставить найти мне в Голландии другого возможного Казанову, отвечающего описанию. Я терпел, слушая и кусая губы, этого глупого типа, с которым мне хотелось что-нибудь сделать прямо за столом, перед офицерами, которые, понимая всю силу слов этого короткого диалога, могли заподозрить меня в малодушии. Наглец, в ожидании, злоупотребляя ситуацией и пользуясь своей мнимой победой, болтал обо всем вкривь и вкось. Он разболтался до того, что стал спрашивать, из какой я страны, и я счел необходимым сказать, что я венецианец.

– Значит, добрый друг французов, поскольку ваша республика находится под покровительством Франции.

Мое дурное настроение не позволило мне засмеяться. Я ответил ему тоном, к которому прибегают, когда хотят дать почувствовать кому-либо, что он жалок, что моя республика не имеет и никогда не имела потребности в покровительстве ни Франции, ни какой-либо другой суверенной страны во все тринадцать веков своего существования.

– Теперь вы мне ответите, чтобы замаскировать свое невежество, – сказал я, – что в мире есть две республики Венеции?

Последовавший взрыв смеха вернул меня к жизни и заставил замолчать легковесного наглеца, но его злой гений заставил его снова заговорить за десертом. Разговор зашел о графе д'Альбемарль. Англичане в похвалу ему сказали, что если бы он был жив, Франция и Англия сейчас бы не воевали. Другой хвалил его любовницу Лолотту. Я сказал, что познакомился с ней у герцогини де Фульви, и что никто более ее не был достоин стать графиней д'Эрувиль; граф д'Эрувиль, генерал-лейтенант и образованный человек, только что женился на ней. Но едва я произнес эти слова, француз, со смехом глядя на меня, сказал, что провел с ней ночь в борделе «Ла Пари».

Тут я не смог сдержаться и, вскинув на ладони свою тарелку, водрузил ее ему на голову. Он поднялся и стал передо мной и перед камином, повернувшись к нему спиной. Он был при шпаге и с портупеей, что свидетельствовало о его военном статусе. Кругом заговорили о других вещах. Две минуты спустя все встали из-за стола. Все вышли, за исключением моего субъекта, который сказал своему товарищу, что они увидятся в комедии. Будучи убежден, что болтун за мной последует, я вышел из гостиницы и направился в сторону Шевелина. Я видел, что он следует за мной на расстоянии сорока шагов, и стал догонять, когда я углубился в лес, где в ожидании его я стал в позицию.

В десяти шагах от меня он обнажил шпагу, и мне не пришлось отступать, чтобы выгадать время для того же самого. Это он отступил, когда почувствовал острие моей шпаги у своей груди при моем верном выпаде правым сапогом вперед, который меня никогда не подводил в

схватке на шпагах. Когда я его нагнал снова, он сказал, опустив шпагу, что мы еще встретимся в Амстердаме, если я туда приеду. Я увидел его только в Варшаве, шесть лет спустя, где я собирал для него пожертвования. Его звали Варнье. Не знаю, тот ли это человек, что стал президентом Национального конвента при режиме Робеспьера.

Когда я вернулся в гостиницу после комедии, мне сказали, что он уехал в Роттердам со своим товарищем, проведя час в своей комнате с хирургом. За ужином никто со мной не говорил об этом случае, и я тем более не говорил о нем. Английская дама была единственная, кто сказал, что человек чести не может садиться за табльдот, не чувствуя в себе готовности драться, несмотря на всю свою осмотрительность.

Не имея никаких дел в Гааге, я выехал на другой день, за час до рассвета, чтобы прибыть к вечеру в Амстердам. Я встретил в полдень сэра Джеймса Уолпола в гостинице, он сказал мне, что выехал из Амстердама накануне, через час после того, как передал в руки беспутного мужа его целомудренную супругу. Он удовлетворил свой каприз и не хотел ничего больше.

Я прибыл в Амстердам около полуночи и очень хорошо устроился в гостинице «Вторая библия». Нетерпение поскорее увидеться с Эстер мешало мне выспаться. Ее близость возродила все мое бывшее пламя.

В десять часов я отправился к г-ну Д.О., который встретил меня с изъявлениями самой глубокой дружбы, упрекая в том, что я не остановился у него. Когда он узнал, что я бросил свою мануфактуру, он сказал, что, поскольку я не мог решиться переместить ее в Голландию, я хорошо сделал, потому что она бы меня разорила. Пожаловавшись на плохую ситуацию во Франции, причину нескольких банкротств, которые ему пришлось испытать, он предложил мне пойти повидаться с Эстер.

При виде меня она вскрикнула, бросившись мне в объятия. Я нашел ее подросшей на пару дюймов и оформившейся. Едва усевшись, она сразу заявила мне, что стала такой же ученой, как я, в области кабалы. Она сказала, что нашла счастье жизни, что она связала его полностью с волей отца, и что поэтому уверена, что он выдаст ее замуж только за человека ей по душе.

– Ваш отец, – сказал я, – должен поверить, что я вас этому научу.

– Он этому верит, и он сказал мне однажды, что простит мне все, чем я могу вам пожертвовать, чтобы вырвать у вас этот великий секрет. Но я сказала ему правду – я украду его у вас и стану, как вы, удивительным божеством, отвечающим на все вопросы, потому что, я уверена, ваши ответы проистекают из ваших знаний.

– Расскажите, как же я смог сказать, где находится портфель, и что корабль не погиб?

– Это вы бросили портфель туда, после того, как нашли его, а в том, что касается потерянного корабля, вы рискнули. Согласитесь, что, обладая благородной душой, вы должны были испытывать сильный страх. Но я никогда бы на такое не решилась. Когда мой отец задал мне вопросы по этому поводу, я ответила очень туманно. Я не хочу ни того, чтобы он потерял доверие, которое испытывает к моему оракулу, ни того, чтобы стать причиной какого-то большого несчастья, которое слишком меня заденет.

– Если такое неверное толкование составит ваше счастье, я вынужден вас при нем оставить. Но позвольте мне восхититься высокой степенью вашего таланта. Вы уникальны.

– Я не добиваюсь вашего восхищения, а хочу только искреннего мнения.

– Я не могу его сразу высказать.

Очаровательная девица стала серьезной. Решив не терять превосходства, которое я имел над нею, я задумал предсказать ей кое-что, что она могла понять только через Бога, или суметь догадаться о его замысле. Я решительно хотел сохранить свое преимущество перед ней. Мы спустились к обеду, но Эстер, грустная и молчаливая, весьма меня огорчала.

За столом я увидел четвертого человека, решив, что это влюбленный. Он не отводил глаз от нее. Мы заговорили снова о кабале, только когда он ушел. Это был любимый секретарь ее отца, которого он хотел видеть объектом ее любви, но этого не произошло.

– Возможно ли, – спросил у меня г-н Д.О., – чтобы моя дочь научилась пользоваться вашим оракулом без того, чтобы вы ее обучили?

– Я не думал, что это возможно, вплоть до сегодняшнего дня, но она убедила меня в обратном. К тому же, я не могу больше никому преподавать это знание под угрозой самому лишиться посвящения. Такова клятва, которую я дал ученому, что преподавал мне это вычисление. Ваша дочь, не дававшая такой клятвы, может передавать это знание, кому ей вздумается.

Она мне отвечала с умом, что сам оракул, когда она его спросила, может ли она передать другому ход этого вычисления, ответил ей, что если она проявит эту нескромность без его согласия, она сама больше не получит правдивых ответов. Я видел ее душу и порадовался, видя, что она успокоилась. Что бы я ни думал, она обязана была мне своим знанием. Я подтвердил его перед ее отцом, но она видела, что я это сделал только из вежливости, и хотела, чтобы я подтвердил это наедине с ней.

Этот здравомыслящий муж решил задать нам обоим один и тот же вопрос, чтобы увидеть, не назовет ли один из нас белым то, что другой – черным. Эстер это было тоже интересно, и он написал один и тот же вопрос на двух листочках бумаги. Она пошла вырабатывать ответ в свою комнату, а я со своим остался в той же комнате, где находился. Она пришла со своим ответом, когда мой ответ еще не был закончен. Г-н Д.О. спрашивал, хорошо ли будет, если он отделается от всех французских бумаг, что у него находились и были убыточными. Оракул Эстер ответил, что, наоборот, он должен стараться их приобретать по разумной цене, потому что Франция никогда не обанкротится. Мой ответил, что если он их продаст, он раскается, потому что новый генеральный контролер оплатит все в следующем году. Этот молодчина, обняв нас обоих, ушел, сказав, что совпадение наших ответов должно принести ему в течение этого года по меньшей мере полмиллиона, однако, с риском потерять три. Его дочь была обеспокоена, но он обнял ее снова, сказав, что это только четвертая часть его состояния.

Эстер, оставшись наедине со мной, обнаружила большую чувствительность к комплиментам, которые я ей высказал по поводу ее прекрасного, и в то же время решительного, ответа, потому что она не могла быть, как я, в курсе дел, происходящих во Франции.

– Я благодарю вас, – сказала она, – что вы меня поддержали, но признайтесь, что, для того, чтобы доставить мне удовольствие, вы слегка солгали.

– Разумеется, потому что я видел, что вы счастливы; скажу вам даже, что вам не следовало об этом и знать.

– Скажите, что я не могла этого знать заранее. Подтвердите, что это правда.

– Я подтверждаю это полностью, чтобы вас успокоить.

– Вы жестокий человек. Вы ответили, что во Франции будет новый генеральный контролер. Вы рискуете, таким образом, скомпрометировать оракул, я на это никогда бы не осмелилась. Мой дорогой оракул! Я слишком его люблю, чтобы подвергать такому позору.

– Это показывает, что не я его придумал, но я побьюсь об заклад, что Силуэт будет отставлен, что говорит сейчас и оракул.

– Дорогой друг, с вашим упрямством, вы сделаете меня несчастной, Я могу быть довольна, лишь будучи уверенной, что постигла кабалу как вы, не больше и не меньше, и теперь вы уже не можете мне говорить, что вы предсказания делаете из своей головы. Вы должны убедить меня в обратном.

– Я над этим подумую, чтобы доставить вам удовольствие.

Я провел целый день с этой девушкой, у которой было все, что нужно, чтобы стать счастливейшей из смертных, и которая составила бы мое счастье, если бы, не любя свободу превыше всего, я смог бы помыслить поселиться в Голландии.

На следующий день мой злой гений направил меня в «Город Лион» – гостиницу, где остановился Пикколомини. Я нашел его вместе с женой в компании мошенников, которые, услышав мое имя, бросились мне навстречу. Это были шевалье Саби, который носил униформу майора на службе короля Польши и был мне знаком по Дрездену, барон де Виедо, богемец, который мне сказал, что граф де Сен-Жермен, его друг, прибыл, остановился в «Звезде Востока» и спрашивал, где я поселился. Рябой бретер, которого мне представили под именем шевалье де ла Перин, и в котором я узнал того Тальвиса, который сорвал банк у принца-епископа в Пресбурге и который был должен мне сотню луи. Другой итальянец, по виду жестящик, по имени Нери, который сказал мне при знакомстве, год назад, что он музыкант. Я вспомнил, что видел с ним несчастную Люси. С этими мошенниками была якобы жена шевалье Саби; это была саксонка, довольно красивая, которая беседовала с графиней Пикколомини, говоря очень плохо по-итальянски. Первым делом я очень вежливо, и заранее поблагодарив его, попытался вернуть мои сто луи у этого ла Перин, который ответил мне с дерзким видом, что он помнит, что должен мне сотню по Пресбургу, но что в этой связи он помнит и кое-что более важное.

– Вы должны мне реванш, – говорит он, – со шпагой в руке. Вот след маленькой бутоньерки, которую вы подарили мне семь лет назад.

Говоря так, он отодвигает свое жабо и показывает компании маленький шрам. Эта сцена прервала разговоры по всей комнате: сто луи, шрам, требование реванша – все это было необычным. Я сказал гасконцу, что в Голландии я не даю реваншей, потому что у меня дела, но я буду защищаться повсюду, где на меня нападут, и, предвидя такую возможность, предупреждаю его, что хожу, вооруженный пистолетами. Он ответил, что желает реванша со шпагой в руке, но даст мне время окончить свои дела.

Пикколомини, который остановился на вопросе о сотне луи, предложил сыграть в фараон. Будучи в своем уме, я не стал бы играть, но намерение вернуть потраченную сотню все же заставило меня взять в руки карты. Я проиграл до ужина свою сотню дукатов и после ужина отыграл их на мелок. Желая со мной расплатиться, чтобы я мог идти спать, Пикколомини дал мне вексель на банк Амстердама, выпущенный домом Миддельбург. Я этого не хотел, но счел нужным уступить, потому что он сказал, что выкупит его у меня завтра утром. Я покинул эту компанию воров, отказав Перину, который проиграл сто луи, выдать их ему в качестве компенсации реванша. В раздражении он стал задевать меня словесно, но, проигнорировав все, я направился спать, здраво рассудив больше не иметь дела с этим головорезом.

Назавтра я вышел, однако, с намерением пойти учсть вексель Пикколомини. Сначала я зашел в кафе, чтобы позавтракать, и встретил там Рижербоса, друга Терезы, которую читатель, возможно, помнит. Обнявшись и поговорив о *нашей даме* (он ее так всегда называл), которая находится в Лондоне и пользуется там успехом, я показал ему свой вексель, сказав, как я его получил. Он осмотрел его и сказал, что он фальшивый, что он является копией настоящего, который был оплачен накануне. Видя, что мне трудно ему поверить, он отвел меня к торговцу, который показал мне оригинал, которым с ним расплатился незнакомец... Я попросил Рижербоса пойти со мной к Пикколомини, который, может быть, тем не менее, учтет его мне, в противном случае он будет свидетелем того, что будет.

Мы туда пошли. Пикколомини, вежливо с нами раскланявшись, попросил дать ему вексель, и он, мол, вернет его торговцу, чтобы тот его учел. Рижербос, взяв слово, сказал, что торговец, на которого был выписан вексель, не будет его оплачивать, потому что он уже его оплатил, и что вексель, что дал мне Пикколомини, – всего лишь копия. Тот сделал вид, что удивлен, сказал, что это невероятно, но что он разберется.

– Вы разбирайтесь, как вам будет угодно, – сказал я, – но пока отдайте мне мои 500 флоринов.

Он говорит, что я его знаю, что я могу ждать, что он представит гаранта векселя, он повышает голос, вмешиваются его жена и его слуга – головорез. Рижербос берет меня за руку, тащит за порог и ведет к человеку очень благородной внешности, который оказывается лейтенантом полиции. Выслушав всю историю, тот говорит мне оставить ему вексель и сказать, где я обедаю. Я называю ему дом г-на Д.О., и этого достаточно. Мы выходим, я благодарю г-на Рижербос и ухожу к Эстер.

Она встречает меня с радостью, упрекает за то, что не появлялся накануне. Мне это лестно. Она очаровательна. Я говорю ей, что только большие заботы не позволяют мне видеть ее каждый день, потому что ее глаза жгут мне душу. Заявив, что она этому не верит, и что я должен придумать, как ее убедить, она говорит мне, что если верно, что моя кабала обладает разумом, не имеющим ничего общего с разумом ее кабалы, я могу получить ответ с помощью кабалы – какое средство следует мне употребить, чтобы ее разубедить. Я притворяюсь, что счел этот способ великолепным, и предлагаю ей задать вопрос. Пришел ее отец с биржи, и мы сели за стол. Мы были за десертом, когда явился полицейский чиновник и передал мне от магистрата 500 флоринов, за которые я выдал ему квитанцию. После его ухода я рассказал г-ну Д.О. всю историю, и прекрасная Эстер упрекнула меня, что я предпочел ей дурную компанию. Она захотела, чтобы я пошел с ней на голландскую комедию, где я скучал, в то время как она смотрела пьесу с самым живым вниманием. Вернувшись домой, она пересказала пьесу, потом мы поужинали, и вопрос о кабале не вставал. Я получил приглашение от нее и от г-на Д.О. обедать у них ежедневно или извещать их, когда не смогу прийти.

На завтра, в восемь часов, я вижу в своей комнате графа Пикколомини, который, ничего мне не объясняя, осыпает меня упреками. Я звоню, и появляется мой испанец. Граф просит его отослать, так как мы должны поговорить наедине. Я говорю, что он не понимает по-итальянски и у меня есть причины желать, чтобы он остался; но мой слуга все понимал.

– Вчера около полудня, – сказал граф, – ко мне вошли двое мужчин в сопровождении трактирщика, потому что, не понимая по-французски, они нуждались в переводчике. Один из них спросил меня, желаю ли я или нет выдать сразу 500 флоринов, что я вам должен, по тому фальшивому векселю, который они мне предъявили. Он сказал, что я должен отвечать сразу, да или нет, не рассуждая, ибо таков приказ, данный ему президентом полиции. Прижатый таким образом, я решил заплатить, но был очень удивлен, потому что этот человек сказал, что вернет мне вексель, только когда я назову, от кого его получил, потому что он фальшивый, и режим коммерции подразумевает, что следует найти изготовителя. Я ответил, что не знаю персону, которая мне его дала. Я сказал, что, для развлечения я затеял у себя в комнате небольшой банк в фараон, этот человек был приведен туда и вступил в игру этим векселем, и что он ушел, проиграв его. Я узнал после его ухода, что он пришел один и что никто из компании его не знает. Второй человек сказал, что я должен предпринять розыск, чтобы найти этого человека, в противном случае правосудие признает меня самого фальсификатором и предпримет против меня меры. Заявив мне это, они ушли вместе с векселем. Моя жена направилась после обеда к президенту полиции, чтобы высказать ему претензии, и он выслушал ее, вызвав переводчика. Ответ, который он ей дал, был таков, что его долг найти виновного в изготовлении фальшивки, что полиция на этом настаивает, и, кроме того, задета честь г-на Казанова, который может быть заподозрен как автор фальшивого векселя, и что торговец может выдвинуть против меня обвинение, чтобы постараться выяснить, кто подделал его подпись. Вы видите положение, в котором я нахожусь. Все зависит от вас; вы получили ваши деньги, выведите меня из затруднения. У вас есть друзья, походатайствуйте у них, и больше не будут говорить об этом деле.

Я ответил, что я не знаю, что делать, и закончил тем, что посоветовал ему пожертвовать мошенником, который выдал ему фальшивый вексель, или исчезнуть. Он ушел, сказав, что я об этом пожалею.

Мой испанец сказал мне, что слышал угрозы, и что я должен поостеречься; но я велел ему молчать, оделся и пошел к Эстер, где должен был поработать над тем, чтобы убедить ее в божественности моего оракула.

Она поставила мне вопрос, которым бросала вызов оракулу, и ответ на который должен был быть известен только ей одной. Здесь нельзя было положиться на удачу. Находясь в действительном затруднении, я сказал ей, что оракул может разгадать некий секрет, который ей, возможно, будет неприятно для меня открыть. Она отвечала, что ей нечего опасаться, и что я напрасно ищу отговорок. Но вот, наконец, счастливая идея, которая пришла мне на ум.

У Эстер имелась в ямочке на подбородке симпатичная родинка, очень маленькая, но заметная, окаймленная четырьмя-пятью тонкими коротенькими черными волосками. Этот маленький знак, который мы, итальянцы, называем *желание*, добавлял шарма ее красивому лицу. Зная, что все знаки такого рода, что виднеются у кого-то на лице, на шее или на руках, повторяются на частях тела, которые соотносятся с видимыми, я был уверен, что у Эстер должен быть знак, в точности подобный тому, что на подбородке, но в месте, которое порядочная девушка никому не показывает, и даже – такое может быть – она сама может не знать, что он у нее есть. В этой уверенности я решился удивить ее, ответив на вопрос, аналогичный этому, таким словам: *«Прекрасная умница Эстер, никто не знает, что у тебя имеется знак, в точности подобный тому, что у тебя есть на кончике подбородка, в секретном месте твоего тела, предназначенном исключительно для любви»*. Эстер не нужен был перевод, так как она читала числа по мере того, как они выходили из-под моего пера, как будто это были буквы. Она сказала со спокойным и ясным видом, что мне не нужно знать, что означает этот ответ, и ей было бы приятно, если бы я его ей оставил.

– Охотно. Я даже обещаю вам не любопытствовать никогда по этому поводу. Мне достаточно того, что вы убедились.

– Я буду убеждена, когда увижу, что то, что содержится в ответе – правда.

– Вы полагаете, что мне неважно то, что говорит этот оракул?

– Я буду уверена, что вы забудете это, когда я сочту, что то, что он говорит, правда; но если это правда, оракул прав. Но вещь эта такая тайная, что о ней я сама не знаю. Вам не нужно ее знать. Это глупость, которая не может вас интересовать, но ее достаточно, чтобы убедить меня, что оракул наделен интеллектом, который не имеет ничего общего с вашими знаниями.

Чувство, возникшее взамен озорства, охватило меня и вызвало на глазах слезы, которые Эстер не могла воспринять иначе, чем мою к ней склонность. Слезы были вызваны раскаянием. Я любил ее, и вместе с тем обманывал; но, чувствуя свою вину, я меньше любил себя, и этим себе мстил.

Я не был, однако, уверен, что то, что мой оракул выдал Эстер, убедит ее в его божественном происхождении. Она должна была поверить в это сейчас, но могла тотчас разувериться, узнав, что соответствие между знаками на человеческом теле – вещь естественная и необходимая, и при этом исчезнет не только ее уверенность, но она сменится недоверием. Это опасение меня терзало, потому что любовь ослабевает, когда узнают, что ее объект недостойн уважения. Я мог только надеяться и продолжать. Не было уже времени отступать.

После обеда я ее покинул, чтобы нанести визит Рижербосу и поблагодарить его за то, что он для меня сделал у президента полиции. Что касается угроз Пикколомини, он посоветовал мне ходить на всякий случай с пистолетами и ничего не бояться в Голландии. Он сказал мне, что уезжает в Батавию на корабле, груженном на его деньги, и надеется поправить там свое состояние, которое пришло в расстройство, и у него остался только этот ресурс. Он предпринимает это путешествие без страховки, надеясь удвоить капитал. Если это ему не удастся, либо он потерпит кораблекрушение – в любом случае он погиб; так что он ничего не теряет. Он сказал мне это, смеясь, но так можно рассуждать, только находясь в отчаянии.

Моя дорогая давняя подруга Тереза Транти немало участвовала в его разорении. Она была в Лондоне, где занималась, как она нам писала, *выгодными сделками*. Она не звалась более Транти, но Корнелис. Это было имя Рижербоса, чего я ранее не знал. Мы провели час за написанием писем этой странной женщине, пользуясь оказией человека, направлявшегося в Лондон, как ему порекомендовал Рижербос. После этого мы отправились кататься на санях по замерзшему Амстелу, с огромной скоростью. Это развлечение, столь ценимое голландцами и очень утомительное на мой вкус, стоило дукат в час. После этого мы отправились есть устрицы, и затем зашли в *музико*¹, не ожидая никаких неприятностей, но вот что произошло дальше. Было явно решено свыше, что всякий раз, когда я предпочитаю некие развлечения обществу Эстер, со мной случается какое-нибудь несчастье. Войдя в *музико*, Рижербос нечаянно обратился ко мне моим именем; я заметил в этот момент, как одна из потаскух, что всегда околачиваются в этих залах, подошла поближе, внимательно меня рассматривая, и, несмотря на сумрачный свет, освещавший смрадную комнату, я узнал Люси, которую я уже видел в другом подобном месте год назад, и которая меня тогда не узнала. Я отвернулся в другую сторону, но напрасно: она подошла, заговорив грустно со мной, напомнила мне о себе, сказала, что рада видеть меня в столь цветущем состоянии, в то время, как мне должно быть грустно видеть ее такой, как она есть. Мне ее стало жалко, и я позвал своего друга подняться со вместе мной в комнату, где эта дева нас развлечет, рассказав свою историю. Люси не стала безобразной, – но чем-то, что еще хуже: отталкивающей. За девятнадцать лет, что протекли с тех пор, как я видел ее в Пасеан, все возможные виды разврата сделали ее такой. Она долго рассказывала нам свою историю, на самом деле очень короткую. Курьер из «Орла» увез ее в Триест, где оставался пять или шесть месяцев, живя с ней. Капитан корабля, влюбившись в нее, пригласил курьера, который считался ее мужем, поехать вместе с ней в Ксанту, где тот мог закупить товаров. На Ксанте курьер заделался солдатом и через четыре года дезертировал, оставив ее там, где она оставалась еще пять или шесть лет, торгуя своими прелестями. Она покинула Ксанту вместе с девушкой, очень красивой, в которую влюбился английский морской офицер, и переехала в Англию, которую покинула два или три года спустя, чтобы приехать в Голландию, где я ее и увидел. Она говорила, ни хорошо ни плохо, кроме своего родного языка, еще по-гречески, по-английски, по-французски и по-голландски. Она опустошила две бутылки за час, пока рассказывала нам свою грустную историю; она сказала, что живет с того, что зарабатывают красивые девицы, которых она держит, отдающие ей половину. Ее красота исчезла, единственным источником существования для нее стало быть сводней, ничего другого ей не осталось; бедной Люси было только тридцать три года, но выглядела она на пятьдесят, а женщинам столько лет, на сколько они выглядят.

Рижербос спросил у нее, находятся ли девушки, что живут у нее, в зале *музико*, и она ответила, что их там нет, что они туда не ходят, потому что это приличные девушки, которые живут с их дядей, который является венецианским джентльменом. На эти слова я разразился взрывом смеха. Люси сказала, что говорила только то, что они сами ей говорили, и что если мы хотим пойти их посмотреть, они находятся всего в пятидесяти шагах от этого места, в доме, который она снимает; мы можем пойти туда с полной уверенностью, так как дядя живет в другой части города. Он приходит только пообедать, чтобы узнать, какие они свели знакомства, и забрать деньги, которые они заработали. Рижербос решил, что надо пойти на них посмотреть, и, испытывая любопытство поговорить о знатных венецианках, я сказал Люси проводить нас туда. Я прекрасно знал, что это могут быть только шлюхи, и что их дядя не кто иной как мошенник, но решено было туда пойти.

Я вижу двух довольно красивых девушек. Люси говорит, что я венецианец, и вот – удивление и радость видеть кого-то, с кем можно поговорить. Я сразу определяю по их жаргону, что

¹ низкопробный кабак с танцами – прим. перев.

они из Падуи, говорю им это, они соглашаются; я спрашиваю у них имя их дяди, и они отвечают, что по важным соображениям не могут его назвать. Рижербос говорит, что мы можем обойтись без этого знания, и берет себе ту, что более в его вкусе. Люси велит принести устрицы, ветчину, множество бутылок, и удаляется в свою комнату. У меня нет желания делать глупости, но Рижербос начинает смеяться, строит из себя крутого, девицы кокетничают, находят мое поведение странным, я принимаю игру, они соглашаются и, после приведения их в натуральный вид, мы проделываем с ними, часто меняясь, все смешное, что подсказывает грубая обстановка этого места. По истечении трех-четырех часов мы расплачиваемся и уходим. Уходя, я даю десять дукатов бедной Люси. Девочки получают каждая по четыре дуката, что для Голландии очень хорошая плата. Мы уходим и отправляемся по домам спать.

На следующий день я встаю очень поздно и в дурном настроении, как по причине ночного дебоша, который оставляет всегда печаль в душе, *affigit humo*² так и из-за Эстер, которая должна была меня ждать. Я должен был прийти к ним обедать, как мы договорились, и извинения мне не помогут; я позвал слугу одеваться. Ледюк спустился, чтобы взять мой кофе. Я вижу входящего ла Перина и так называемого Виедо, которого я видел у Пикколомини и который назывался другом графа де Сен-Жермен, адепта магии. Я сидел на кровати, держа в руках свои чулки. У меня было три комнаты, удобные и красивые, но в дальней части дома, где, если я шумел, меня не было слышно; у меня был звонок около камина, который находился в другом конце комнаты; Ледюк должен был появиться не ранее чем через четверть часа с моим кофе; я оказался в положении, когда меня могли убить. Виедо начал первым, сказав, что граф Пикколомини, дабы избавиться от неприятностей, поручил им вернуть пресловутый вексель и предупредил их об опасности.

– Осторожность требует, чтобы мы срочно уехали, но у нас нет денег; мы в отчаянии. Дайте нам не более четырехсот флоринов, этого нам достаточно; но дайте сразу и без возражений. В противном случае нам придется бежать пешком, но приняв при этом свои меры, и вот средство, чтобы вас убедить.

При этих словах два вора достают из карманов по два пистолета каждый.

– Насилия не нужно, – говорю я им. Берите, и желаю вам доброго пути.

Я достаю из кармана штанов сверток с сотней дукатов, говорю им, что меня не заботит, что там, должно быть, на сто двадцать флоринов больше, и советую им выйти до того, как поднимется мой лакей. Виедо берет сверток и кладет в карман дрожащей рукой, даже не разворачивая, а ла Перин как истый гасконец подходит ко мне и, одобряя благородство моего поступка, обнимает меня. После этого мошенники открывают дверь и выходят. Я чувствую себя очень довольным, что так легко вышел из этого скверного положения. Я снова звоню, не для того, чтобы их преследовать, но чтобы поскорее одеться, не тратя времени на туалет, не рассказывая о случившемся Ледюку и не пожаловавшись хозяину на то, что происходит в его гостинице. Приказав Ледюку идти к г-ну Д.О., чтобы принести мои извинения, что не смогу прийти к нему обедать, я иду к президенту полиции, которого пришлось мне ждать до двух часов. Этот порядочный человек, выслушав все, сказал мне, что тотчас предпримет все возможное, чтобы арестовать воров, но боится что слишком поздно. Я рассказываю ему, что Пикколомини был у меня, и, отчитавшись обо всем, чего от меня тот хотел, добавляю, что он угрожал мне, говоря, что я раскаяюсь. Президент заверил, что примет меры. После этого я вернулся к себе с горьким привкусом, чтобы проделать свой туалет и привести себя в порядок. Лимонад без сахара помог мне избавиться от желчи. Я явился к г-ну Д.О. В сумерках и застал Эстер серьезной и задетой, но она переменилась, видя меня расстроенным.

– Скажите же мне поскорее, – говорит она, – что вы были больны, и вы меня успокоите.

² извываявшись в земле – Гораций

– Да, дорогой друг, и более чем болен, но теперь я чувствую себя очень хорошо; вы увидите это за ужином, потому что у меня со вчерашнего обеда маковой росинки во рту не было.

Это была правда, я ничего не ел, кроме устриц у падуанских потаскух. Эстер, прелестная, привлекла меня к поцелуям, и весь пылая, я уверил ее в своей любви.

– Вот новость, которую я могу вам сообщить, – сказала она: я уверена, что вы не являетесь автором сообщений своего оракула, или, по крайней мере, не тогда, когда вы хотите, как я, им быть. Ответ, который он мне дал, точен, и точен до такой степени, что это удивительно. Он сказал мне вещь, которую никто не может знать, потому что я сама ее не знаю. Вы не поверите, в какое изумление я пришла, когда обнаружила его правоту. Вы владеете сокровищем, ваш оракул непогрешим; но если он непогрешим, он не должен лгать и по пустякам. Он сказал мне, что вы меня любите, и я этому рада, потому что вы мужчина моей души; но мне нужно, чтобы вы дали мне свидетельства своей любви, в которых, если это действительно так, вы мне не можете отказать. Держите, читайте ваш ответ, я уверена, что вы его не знаете. Потом я скажу вам, как вы должны поступить, чтобы сделать Эстер вполне счастливой.

Я читаю, делая вид, что читаю это впервые. Я целую слова оракула, которые говорят, что я ее люблю, я показываю, как я очарован тем, что ответ выражен с такой простотой, затем прошу у нее прощения за то, что счел возможным, что этот ответ неизвестен ей самой. Она отвечает, слегка покраснев, что такое не покажется мне невозможным, если ей позволено меня в этом убедить. Затем, переходя к испытанию, которого она требует, чтобы убедиться в моей любви, она говорит, что я должен сообщить ей мой секрет.

– Вы меня любите, – говорит она, – и у вас не должно быть никакого затруднения для того, чтобы сделать счастливой девушку, которая станет вскоре вашей женой, а вы – ее повелителем. Мой отец с этим согласится. Когда я стану вашей женой, я сделаю все, что вы захотите: мы станем жить отдельно, если это доставит вам удовольствие; но это будет лишь тогда, когда вы научите меня извлекать ответ до того, как я дам себе труд заранее составить его у себя в голове.

Я взял ее прекрасные руки и, целуя их, сказал, что она знает, что я вынужден держать мое слово девушке в Париже, которая, разумеется, ни в какой мере ее не стоит, но я не считаю себя оттого менее обязанным его соблюдать. Увы! Могу ли я принести ей мои самые искренние извинения, будучи в невозможности обучить ее пользоваться оракулом по-другому, чем она это делает?

День или два спустя ко мне явился офицер с незнакомым мне именем; я велел сказать, что я занят, и, поскольку мой лакей отсутствовал, я заперся. После всего, что со мною случилось, я решил не принимать никого. Не смогли схватить двух воров, которые хотели меня убить, и Пикколомини исчез, но в Амстердаме были еще люди из его шайки.

Час спустя вернулся Ледюк и принес мне письмо, написанное на плохом итальянском, которое дал ему офицер, ожидающий ответа. Я увидел, что оно подписано тем же незнакомым мне именем. Он писал, что мы знакомы, но он может мне назвать свое имя лишь тет-а-тет, и что он придет ко мне с визитом лишь после моего одобрения.

Я сказал Ледюку пригласить его войти и оставаться в моей комнате. Я увидел человека моего роста, в возрасте сорока лет, в военной форме, с разбойничьей физиономией.

Он начал с того, что мы были знакомы в Сериге, шестнадцать или семнадцать лет назад. Я вспомнил, что выходил там на берег лишь ненадолго, когда сопровождал *баиля*³ в Константинополь, и что это должен был быть один из двух несчастных, которым я подал милостыню. Я спросил его, не он ли сказал мне, что он сын графа Поччини из Падуи, который не является графом, и он похвалил мою память. Я спросил, что он имеет мне сказать, и он ответил, что не может говорить в присутствии моего слуги. Я сказал ему говорить по-итальянски и велел Ледюку быть в прихожей.

³ посла – прим. перев.

Он мне сказал, что узнал, что я был у его племянниц, что я обошелся с ними как со шлюхами, и что придя сюда, он хочет, чтобы я дал ему сатисфакцию. Услышав придирки, я бегу к своим пистолетам, показываю ему один и велю выйти вон. Заскакивает Ледюк и мошенник уходит, говоря, что еще встретится со мной.

Постыдившись пойти пожаловаться президенту полиции, которому я должен буду рассказать всю скандальную историю, я решил проинформировать о деле моего друга Рижербоса, обратившись к нему за помощью. Эффектом этих демаршей было то, что сама полиция направила приказ Люси отослать двух графинь. Люсия пришла ко мне на следующий день, рассказав, со слезами на глазах, об этом деле, которое ввергает ее в нищету. Я даю ей шесть цехинов, и она уходит, утешенная. Я попросил ее больше ко мне не приходить. Все, что я делал вдали от Эстер, становилось для меня пагубным.

Три дня спустя явился ко мне вероломный майор Саби и сказал мне быть настороже, потому что венецианский офицер, который заявляет, что я, якобы, его обесчестил, говоря повсюду, что, напрасно потребовав у меня сатисфакции, он имеет право меня убить. Он сказал, что он в отчаянии, что он хочет уехать, и что у него нет денег.

Когда я сегодня думаю обо всех неприятностях, что я претерпел в Амстердаме за время короткого пребывания там во второй раз, в то время, как я мог бы жить там очень счастливо, я полагаю, что мы сами являемся первейшей причиной своих несчастий.

– Я советую вам, – продолжал Саби, – дать этому несчастному пятьдесят флоринов и избавиться таким образом от врага.

Я поблагодарил его и передал ему их в полдень, в кафе, которое майор мне называл. Читатель увидит, где я встретился с ним четыре месяца спустя.

Г-н Д.О. пригласил меня поужинать с ним в *ложе бургомистров*. Это была честь, поскольку по всем законам масонства туда допускались только двадцать четыре ее члена. Это были самые богатые миллионеры биржи. Он сказал, что доложил обо мне, и что в честь меня ложа будет открыта по-французски. Меня настолько высоко оценили, что объявили сверхштатным членом ложи на все время моего пребывания в Амстердаме. Г-н Д.О. сказал мне на следующий день, что я ужинал в компании, располагающей тремя сотнями миллионов.

На другой день г-н Д.О. попросил меня выдать ответ на вопрос, на который оракул его дочери, которая при сем присутствовала, ответил слишком темно. Эстер мне его процитировала. Было спрошено у оракула: «Человек, который намерен убедить его, вместе со всем обществом, заняться делом большой важности, является ли он действительно другом короля Франции?». Я мгновенно догадался, что этот человек – никто иной как граф де Сен-Жермен. Г-н Д.О. не знал, что я с ним знаком. Я должен был вспомнить, что говорил мне граф д'Аффри. Вот случай блеснуть моему оракулу и дать над чем подумать моей прелестной Эстер.

Составив по вопросу пирамиду и пометив над каждым из четырех ключей буквы *O.S.A.D.*, заранее приписав им значения, я извлек ответ, начинающийся с четвертого ключа *D*. Вот он:

«Другом не признан. Приказ подписан. Все согласовано. Все заполнено. Все исчезает. Отложено».

Я притворился сначала, что нахожу ответ очень темным. Эстер, удивленная, нашла, что он говорит многое в необычном стиле. Г-н Д.О. сказал, что ответ ему ясен, и назвал оракул *чудесным*.

– Слово *«Отложено»*, – сказал он, – относится ко мне. Вы искусны, и вы и моя дочь, извлекать ответы оракула, но в интерпретации мое искусство превосходит ваше. Я воспрепятствую всему этому делу. Речь идет о том, чтобы выложить сто миллионов под заклад коронных бриллиантов Франции. Это дело, которое король хочет завершить без вмешательства министров и даже без их ведома. Я прошу вас никому об этом не говорить.

Когда Эстер осталась наедине со мной, она сказала, что сразу поняла, что этот последний ответ не родился в моей голове, и заговорила о том, чтобы я сказал ей, что означают четыре буквы. Я ответил, что это неважно, потому что опыт мне подсказывает, что они не необходимы, но что эта надпись заложена в конструкции пирамиды, я их проставляю, когда мне кажется, что это необходимо.

– Что означают эти четыре буквы?

– Они суть инициалы невыразимых имен четырех главных умственных сущностей земли. Их нельзя произносить, но тот, кто хочет получать оракул, должен их знать.

– Ах, дорогой друг! Не обманывайте меня, потому что я всему верю, и, честное слово, нельзя этим злоупотреблять. Ты разве не должен научить меня этим непроизносимым именам, если хочешь преподать мне кабалу?

– Разумеется. И я могу их передать только тому, кого объявляю моим наследником. Нарушивший это предписание наказывается забвением всего. Согласитесь, прекрасная Эстер, что эта угроза должна меня пугать.

– Я согласна с этим. Несчастливая! Вашей наследницей станет ваша Манон.

– Нет. Ее ум не наделен этим талантом.

– Но вы должны, однако, определиться с кем-нибудь, потому что вы смертны. Мой отец разделит с вами вашу судьбу, без того, чтобы обязать вас на мне жениться.

– Увы! Что вы говорите? Как это может быть, чтобы условие жениться на вас мне не понравилось!

Три или четыре дня спустя г-н Д.О. заходит в десять часов утра решительными шагами в кабинет Эстер, где она вместе со мной работает над тем, чтобы научиться извлекать оракул всеми четырьмя ключами и удваивать, утраивать и учетверять его, как захочется. Удивленные его появлением, мы встаем, он повторно нас обнимает и хочет, чтобы мы обнялись.

– Что все это значит, мой обожаемый папа?

Он приглашает нас сесть и читает письмо, что только что получил от г-на Калкуэна, одного из секретарей L.N.P.⁴. В письме, в частности, говорится, что посол Франции запросил у Генеральных Штатов от имени короля, своего повелителя, о так называемом графе де Сен-Жермен, и ему ответили, что вышлют Его христианнейшему Величеству названную персону, как только его разыщут. В соответствии с этой просьбой, говорилось далее в письме, узнав, что запрашиваемый проживает в «Звезде Востока», направили в полночь в эту гостиницу вооруженную стражу, чтобы его захватить, но его там не нашли. Хозяин сказал, что этот граф уехал в начале ночи, направившись в Нимег. Направились вслед за ним, но без особой надежды его поймать. *Неизвестно*, каким образом он смог узнать о том, что отдан этот приказ, и кто смог помочь этому несчастному.

– *Неизвестно*, – сказал, смеясь, г-н Д.О., – но все это знают. Сам г-н Калкуэн должен был дать знать этому другу короля Франции, что придут за ним в полночь и заберут его, если он там окажется. Нет таких дураков. Правительство ответит послу, что, к сожалению, Его Превосходительство слишком поздно запросило об этой персоне, и никто не будет удивлен таким ответом, потому что это обычно так и происходит в подобных случаях. Все слова оракула подтвердились. В этот момент мы должны были бы выплатить ему 10 тыс. флоринов, которые нужны были сразу. Закладом служил самый прекрасный бриллиант короны, который остался у нас; однако мы его вернем, как только он за ним явится, по крайней мере если посол ему не откажет. Я никогда не видел более прекрасного камня. Вы теперь увидите, каков мой долг перед вами за ваш оракул. Я направляюсь на биржу, где вся компания выскажет мне свою благодарность. Я попрошу вас после обеда запросить оракул, должны ли мы объявить о том, что

⁴ Их Высокопревосходительств – титул Генеральных Штатов Голландии

прекрасный алмаз у нас, или лучше хранить молчание. После этого прекрасного сообщения он нас снова поцеловал и ушел.

– Вот момент, – сказала Эстер, – когда ты можешь дать мне самый большой знак дружбы из всего, что можешь, который тебе ничего не будет стоить, а меня наполнит гордостью и радостью.

– Укажи, мой ангел, как я смогу дать тебе нечто, что мне не будет ничего стоить?

– Мой отец после обеда хочет узнать, надо ли объявлять об алмазе, или общество поступит лучше, сохранив его в депозитарии и перед этим оценив. Скажи ему, чтобы обратился с этим ко мне и предложи, что сам объяснишь ответ, если он будет слишком темен. Сделай сейчас этот запрос, и я отвечу твоими же словами. Отец еще больше меня полюбит.

– Ах, моя дорогая Эстер! На что я только не готов, чтобы уверить тебя в моей дружбе! Пойдем, сделаем это.

Я велю составить ей вопрос самой, говорю, чтобы она поместила своей собственной рукой четыре могущественные буквы, и помогаю составить ответ с помощью волшебного ключа. Затем, делая добавления и вычитания, как я ей подсказываю, она, удивленная, получает такой ответ: *«Общество сделает лучше, скрыв секрет, иначе вся Европа будет смеяться над ним. Предполагаемый алмаз – не более чем подделка»*.

Я подумал, что очаровательная девушка сойдет с ума от радости. Ее душили взрывы смеха.

– Какой ответ! – воскликнула она. Алмаз фальшивый! Какая глупость дать себя так обмануть! И это мой отец получит от имени оракула! И ты сделал мне такой подарок! Теперь они проверят этот факт, и, найдя, что камень фальшивый, важное общество будет многим обязано моему отцу, потому что иначе оно бы безусловно опозорилось. Можешь оставить мне эту пирамиду?

– Охотно даю ее тебе, но она не поможет тебе стать более ученой.

После обеда разыгралась комическая сцена, когда почтенный г-н Д.О. узнал из оракула своей дочери, что камень фальшивый. Он издал громкие вопли. Дело представилось ему невероятным, он попросил меня составить аналогичный запрос, и когда увидел, что выходит тот же ответ, хотя и другими словами, он вышел, чтобы подвергнуть алмаз всем проверкам и порекомендовать соблюдать молчание, когда откроется правда. Однако эта рекомендация оказалась бесполезна. Все узнали о положении вещей и сказали, как и должны были сказать, хотя это и не было правдой, что компания была обманута и дала мошеннику 100 тыс. флоринов, которые он просил.

Эстер прославилась, и желание постигнуть науку оракула с моей помощью у нее возросло. Стало известно, что Сен-Жермен проехал в Эмбден, затем в Англию. Я встречаюсь с ним еще в своем месте. Но вот какое известие обрушилось на меня на Новый Год и почти меня убило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.